

Владимир Мартынов, композитор, автор книг о русском церковном пении

1. С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?

С двумя традициями: одна духовно-философская, другая художественная, и они переплетаются. Что касается духовно-философской традиции, это традиция русского исихазма, которую я впитал, преподавая в течение 18-ти лет в Духовной академии в Троице-Сергиевой лавре. Фигуры, поддерживающие эту традицию, – преподобный Сергий, позднее, конечно, Хомяков, отец Павел Флоренский, Лосев, епископ Василий Родзянко, с которым я был лично знаком. Всех этих людей объединяет приверженность не просто православной, а именно исихастской традиции, то есть преданность определенному крылу святоотеческого учения, родоначальником которого был Макарий Великий. Это восточная монашеская традиция, духовно-философский фундамент русской культуры. Традиция, совершенно не известная на Западе.

Что касается художественной традиции, с которой я себя отождествляю, – это русский авангард «первой волны». Прежде всего – Малевич, обериуты Хармс, Введенский. Я считаю, что одной из самых фундаментальных работ в истории XX столетия является «Черный квадрат» Малевича, к которому современники относились, как к иконе. Потому что и сам Малевич, и его окружение считали свою деятельность религиозной. Не случайно «Черный квадрат» был помещен в Третьяковской галерее как бы в красном углу на месте иконы. И тут традиция первого русского авангарда переплетается с русской духовной традицией, о которой идет речь. Важно, что Малевич осознал то, что невозможно больше рисовать пейзажи, портреты, писать симфонии, оперы. Невозможен просто художественный шаг, шаг должен быть религиозно-художественным.

- Чем является для вас святоотеческая традиция, традиция исихастов: это нечто живое или некая теория, которую вы пытаетесь оживить своим творчеством?

Если этой традиции не будет как живой традиции, то и мира тогда просто не будет. Мир существует, благодаря тому, что живы еще носители этой традиции. Мне повезло: я застал старцев, которые владели этим знанием. Конечно, эта традиция находится под сильным спудом. Как говорил апостол Павел, в недоступных пещерах эти люди обретаются. Под миром пещер можно понимать коммунальную квартиру где-нибудь в Бибирево. Я общался с этими людьми и, как говорится, получал от них благословение. В общем, это дело живое и ни в коем случае не теория. Что касается меня, то я воплощаю эту традицию скорее не в моем композиторском творчестве, а в моих книгах по истории древнерусского

богослужебного пения. Это знание дает мне ключ к пониманию не только художественных проблем, но и всего, что происходит в мире.

- Что в современном мире для вас неприемлемо и что побудило вас искать ответы на возникающие вопросы в святоотеческой литературе?

Полный упадок всего: упадок человеческой природы, упадок понимания, упадок всех профессиональных навыков, особенно за последние 20 лет. Это происходит во всем: и в науке, и в культуре. Растут высокие технологии, но это не имеет отношения к мастеровитости человека. Например, когда в начале 80-х Шнитке приехал в Германию, где его начали исполнять, он сказал: «Что случилось с немецкими оркестрами!» Он увидел жуткое падение профессионализма.

Что же касается вопросов сущностных... Казалось бы, все сейчас понимают, что такое Бог, что такое вера. Но на самом деле этого понимания в мире нет. На самом деле утрата этого понимания началась еще в XI веке, когда произошло разделение на знание и веру. И что получилось? А то, что знать и верить – это разные вещи. Для Европы даже первого тысячелетия это было неприемлемо: как можно верить в то, чего не знаешь, и как можно знать то, во что не веришь. Постепенно настоящий религиозный опыт был отброшен. Выбрали знание. Между тем, святоотеческий опыт – это синтез веры и знания. Святые отцы не верят в Бога, а знают Бога. Этот синтез был утрачен. Я пытаюсь в своих книгах и отчасти в своей музыке этот синтез восстановить. Для того, чтобы в полной мере восстановить этот синтез, следует избрать аскетический путь, то есть путь монашества. Хотя это не мой путь, но для меня важно было осознать, что только такой путь возможен для богознания. Я серьезно занимаюсь этим вопросом и вижу, что даже самые светлые головы на Западе с этой традицией не знакомы. Допустим, Рене Генон, который прекрасно осознавал катастрофу, происходящую в Европе, принял мусульманство. Я думаю, он сделал этот шаг, потому что не был знаком с основами восточно-христианской традиции. То же самое касается и таких проницательных умов, как Хайдеггер, Юнг. Это учение забыто даже самой Русской православной церковью. Редкие представители нашей церкви, находящиеся, как правило, в гонении, чтят его. Однако были времена в истории православия, когда только один человек оставался верен традиции. Среди таких подвижников был Максим Исповедник, который отстаивал веру, когда вся церковь со всеми иерархами, патриархами и епископами впала в ересь.

2. Какую эпоху русской культуры вы считаете вершинной и почему?

Для меня это однозначно – XV век. Потому что в это время традиция, о которой уже шла речь, традиция исихастов, нашла свое полное воплощение. Это было время учеников преподобного Сергия, век русской святости, когда на Руси знали

сотни святых. Русское монашество процветало. Тогда же были написаны произведения русских просветителей Иосифа Волоцкого, Зиновия Оптинского – очень важные для русской культуры публицистико-богословские труды. В это время были созданы лучшие памятники архитектуры: Московский Кремль, Саввино-Сторожевский монастырь и т.д. Возникло такое уникальное явление, как иконостас. В XV веке были заложены основы древнерусского церковного пения: был сформирован знаменный распев, точнее, система распева, в том числе демественный и путевой распевы, а также троестрочие, то есть многоголосие. Все это было синтезировано и, как теперь говорят, проартикулировано по всем направлениям.

- Как вам представляется, люди того времени, создававшие культуру, были более совершенными, более гармоничными?

Один современный писатель, занимающийся Византией, сказал по этому поводу: «В Византии было много отвратительного: предательство, изуверство, и вместе с тем, было то, чего нет теперь у нас – знания того, что такое грех». То же самое было на Руси. Нельзя, конечно, людей того времени представлять ангелами. Это были люди более жестокие, но у них был страх Божий, у них было знание Бога. По сравнению с нами это были люди другого порядка. Мы хуже. Неслучайно люди того времени были способны на такие прозрения. Гении не возникают в пустоте, для этого необходим некий фундамент. Мы знаем Андрея Рублева, Дионисия, а между тем, в это же время работали сотни мастеров такого же класса, безымянные мастера московской, новгородской, псковской школ. За этим стоял человек другой породы, человек той традиции, о которой идет речь. В русской культуре XV, XVI веков эта традиция нашла прямое воплощение. Это время неслучайно называют Святой Русью. Это не какое-то эфемерное понятие. Святая Русь существовала и была порушена. Дело в том, что Россия постоянно разрушается и превращается в какой-то Китеж. Но то, что он невидим, не означает, что его нет. При этом не стоит забывать, что если Киевскую Русь разрушили татары, то Московскую Русь разрушили, во многом, сами русские. Кем были снесены два монастыря в Кремле, не говоря уже о старейшем сооружении – храме Спаса на Бору? Это сделали не татары и не немцы, это сделали сами русские.

3. Как сказалоь на развитии русской культуры завершение советского периода истории России?

Русская культура находилась в определенной изоляции, и поэтому она была в какой-то степени оазисом, где сохранялось что-то положительное. А сейчас она вышла на финишную прямую стремительного сближения с Западом. Если раньше можно было спрятаться за железным занавесом, то теперь железный занавес

воздвигается с другой стороны. Мне известно, например, что в западных странах закрывают многие кафедры славистики в университетах. На Западе происходит явная дискриминация художников первой волны русского авангарда. Например, картины Малевича, Лисицкого под любым предлогом не пропускают на рынок, объявляют подделками и т. д. С одной стороны, создаются всяческие препоны проникновению русского искусства на Запад, а с другой, происходит явная экспансия западной культуры в Россию.

- Это знаки последнего времени?

Нет, они возникли уже давно, сразу после перестройки. Поначалу, в горбачевский период была мода на все русское. Но именно мода, а не глубокий интерес к культуре. Многие деятели культуры, в том числе и композиторы, уехали тогда на Запад, но сейчас оказались в изоляции, на задворках культуры тех стран, где они обосновались. Но такие мощные фигуры, как Пярт или Канчели, которые давно живут на Западе, работают там так же, как работали, проживая в бывшем Советском Союзе. Так же серьезно и так же основательно. В их жизни завершение советского периода ничего не изменило. То же самое я могу сказать и о себе. Я пишу так же, как писал в советское время. Или поэт Лев Рубинштейн, например, пишет так же, как и прежде.

- Мы привыкли считать, что «законы» советской страны ограничивали свободу творчества, не так ли?

Художника всегда что-то ограничивает. Тогда – советские законы, теперь – рыночные механизмы, которые тормозят работу значительно сильнее на самом деле. По сравнению с тем, что происходит сейчас, в прежние времена условия были просто райские.

- Вы считаете, что в советском обществе художник был более свободен?

Я считаю – да. В этом авторитарном обществе человек был более свободен, чем сейчас. На него, безусловно, оказывалось давление, он должен был сопротивляться. А сейчас и сопротивляться-то нечему. Просто идет явное уменьшение степеней свободы. Мы вступаем в рыночные отношения, и считается, что это есть некая свобода. Но это миф. На самом деле это одна из худших несвобод. Я счастлив тем, что меня это пока мало касается, но со временем коснется. Конечно, сейчас можно все что угодно опубликовать, куда угодно поехать. Это, безусловно, момент положительный. Но для меня не это есть свобода.

- Разве не следует считать свободой открытие запретных тем, запретных зон?

Когда я жил в прежних условиях, я знал все, что мне надо было знать, и доставал все, что было интересно. Теперь в книжных магазинах продается все, можно по-

купать любую литературу. Это очень хорошо, так же как и то, что молодые люди могут учиться за рубежом, получать любую информацию. Могут возвращаться, а могут не возвращаться в Россию. Но что касается культурной ситуации, то для ее изменения нужны художественные результаты, которых пока я не наблюдаю. Это – процесс, потребуется, может быть, еще 10-15 лет, пока возникнут результаты. Как изменит русскую культуру новое поколение, прогнозировать трудно.

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации, в связи с приходом к власти нового лидера?

Я считаю такую постановку вопроса неправильной. Если с приходом нового лидера в стране меняется культурная ситуация, то это либо страна идиотов, либо в стране до этого никакой культурной ситуации не было. С приходом нового лидера в стране меняется общая атмосфера, причем в худшую сторону. И главный симптом этого процесса – возвращение советского гимна, хоть и с новыми словами. Это надругательство над моим национальным чувством. Под этот гимн людей сажали, расстреливали. Он является символом чудовищного тоталитарного режима. Я лично никогда не встану под этот гимн. Я считаю, что и с новым гимном, и с новой символикой надо было подождать, куда мы торопимся? Новый гимн вообще надо было выстрадать.

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры? Нуждается ли в этом русская культура на данном этапе?

Когда началась перестройка, мне вдруг позвонили из Министерства культуры и спросили, не хочу ли я что-нибудь продать. Я даже испугался: неужели я стал писать такую дрянь, что мою музыку захотело купить министерство. Дело в том, что я – одиночка и «степной волк». От любой государственной опеки я бегу подалее, мне рядом с министерским чиновником делать нечего. Вообще, государственная опека – это миф. Этим понятием прикрывают определенные рыночные механизмы, не более того. Художнику это ничего дать не может.

- А что касается художественных коллективов, учебных заведений, библиотек и т. д.? Разве могут они выжить без государственной опеки?

Это так называемые «бюджетники». Конечно, они нуждаются в государственной поддержке. Это однозначно. Но я не специалист в этом вопросе, и у меня нет точной информации, каково положение дел в этих организациях. Но вот в рукописных отделах библиотек я бываю постоянно, и положение там просто бедственное. Там государственная опека явно недостаточна. Но как композитор я по-

нимаю государственную опеку как систему заказов. Такая система была и раньше, такая «кормушка» для определенных людей. Часто закупленные партитуры валялись где-нибудь никому не нужные, а люди получали деньги. Нет ничего более развращающего, чем такая опека.

- А разве не может государственный заказ спасти неизвестного гения?

У гения никогда ничего не купят. Это проверено. Для меня лично вообще неприемлемо получать деньги от государства. Косвенным образом мне государство платило, когда я писал музыку к кинофильмам или театральным спектаклям. Но в таком случае я работал по заказу режиссера, конкретного человека, к которому я отношусь с уважением. Я как бы выполнял его личный заказ. Наверное, я мог бы взять деньги у мецената, человека, обладающего вкусом и пониманием того, что я делаю в искусстве. На мой взгляд, идеальными были взаимоотношения Иоганна Себастьяна Баха и короля Фридриха Прусского, который предложил композитору тему для его «Музыкального приношения». И тема была такова, что Баху пришлось немало помучиться. Могла бы такая музыкальная идея прийти Бушу или Путину, если бы им пришлось общаться с гением? Такое покровительство, какое было у Баха, мне нравится, а у государства я деньги никогда не возьму.

6. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в новую эпоху?

Я бы сказал по-другому. Не элитарность и народность, а андеграунд и истеблишмент. То, что раньше можно было назвать «народным» искусством, теперь это скорее – истеблишмент. Это популярные, любимые народом исполнители, такие как Ростропович, Спиваков, Азава и т. д. Исполнители, которые у всех на виду. Их появление на сцене хорошо оплачивается, они аккумулируют крупные финансовые потоки. А элитарное искусство почти целиком попало в андеграунд. Оно сейчас не в оппозиции, но и не на поверхности. И оно фактически не оплачивается. Значительные фигуры, представляющие элитарное искусство, что называется, хорошо известны в узких кругах. У этого искусства нет миллионных аудиторий. Хотя и здесь произошло разделение.

Допустим, художники Франциско Инфанте и Александр Кабаков были единомышленниками, но Кабаков попал в истеблишмент, а Франциско – нет. Гия Канчели попал в истеблишмент, а я – нет и т. д. Но, как правило, элитарное искусство лишено финансовой поддержки. Причем нет никакой надежды и желания ее обрести. Потому что за это придется дорого заплатить, прежде всего тем, что и сам станешь художником истеблишмента, чего я себе не пожелаю никогда.

- То есть элитарное искусство обречено существовать в андеграунде?

Безусловно. На то оно и элитарное. Все художественно ценное, элитное уходит в андеграунд. Это процесс нормальный и естественный. Что же касается «народного» искусства, то есть истеблишмента, то оно отражает прежде всего жуткое падение вкусов и профессиональных навыков. Это не только мое мнение. Недавно по телевидению выступала такая полужвезда Любовь Казарновская, которая как раз находится в истеблишменте и много выступает за рубежом. Так вот она заметила, что с конца 80-х до конца 90-х резко упал мировой оперный уровень. По ее наблюдениям, никто не хочет иметь дело с яркими личностями, имеется в виду административно-финансовый аппарат. Личностям предпочитают крепкую посредственность, хорошо управляемую. Это мировой процесс, и от него никуда не денешься. Концертная жизнь России является отражением этого процесса. Сейчас происходит как будто бы возрождение концертной жизни. На эстраде появляются громкие имена. Но эти концерты являются копией самых плохих примеров «буржуазного» искусства, когда публика приходит демонстрировать наряды. На таких концертах престижно появляться новым русским. И, как правило, подобные концерты демонстрируют искусство не высокой пробы. Когда я стал выезжать за рубеж на фестивали, меня уже тогда поразило, насколько велик дефицит вкуса и понимания происходящего на сцене. Программы часто составлены просто ужасающе. Например, Кейдж, рядом – Прокофьев, и тут же Пьяццола и Моцарт. Причем все вызывает восторг у публики. Мне объяснили, что концерты классической музыки – это большая индустрия. Люди платят деньги за то, чтобы получить удовольствие. Классические концерты превращены просто в га-ла-концерты. Еще в 70-е годы такое шоу, которое демонстрируют небезызвестные три тенора, было невозможно. Это было неприлично. А теперь все «кушают», и с удовольствием.

В результате так называемое «народное» искусство уходит в шоу-бизнес, а искусство настоящее, элитное уходит целиком в андеграунд.

7. Понимаете ли Вы свою деятельность как служение и в каком смысле?

Раньше композиторы, безусловно, понимали свою деятельность как служение. Окегем, Обрехт, русские распевщики, конечно, служили. Позже Бах служил искусству и служил как капельмейстер. Это было служение во всех смыслах. Теперь нет речи о служении. Истеблишмент занимается авторепрезентацией. Это не служение, а самоутверждение. О себе мне судить трудно. Я хотел бы понимать свою деятельность как служение. Но опасаясь, что могу принимать желаемое за действительное. Что такое служение? Это служение идее. Есть идея, а я при ней. Я являюсь проводником этой идеи. Свои мысли я выразил в книге, которая вот-вот выйдет в свет. В ней идет речь о конце авторской музыки вообще. Я считаю, что следующий этап в искусстве наступит тогда, когда творчество ста-

нет анонимным, так, как было несколько веков назад. Ведь музыку можно понимать по-разному. Либо как совокупность «вещей»: симфония Бетховена, квартет Гайдна, кантата Баха. И тогда любое музыкальное действие есть создание «вещи», у которой должен быть автор. Но музыку можно понимать и по-другому. Не как совокупность «вещей». А как некое пространство, поток, куда человек может войти. Достаточно вспомнить пифагорийское понятие музыки: музыка мировая, музыка человеческая, музыка инструментальная... В этом смысле музыка воспринимается как некое пространство соотношений. Человек никак не может быть автором этих соотношений. Он может войти в это пространство, и здесь уже не говорится об авторстве. Здесь идет речь именно о служении. О служении музыкальной идее и т. д.

8. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового культурного пространства?

Если речь идет о глобализации, то вопрос о культуре перестает существовать. Поскольку глобализация и культура несовместимы. Ведь что такое глобализация? Это навязывание неких финансово-административных стандартов, которые губительны для культуры. Это как травма, несовместимая с жизнью. Ведь на самом деле речь идет не о сближении с западной культурой. Нам не Хайдеггера и не Кейджа предлагают. Речь идет о западной цивилизации, которая без системы управления существовать не может. Происходит управление и манипуляция определенными процессами, когда произведения искусства превращаются в предметы. Мы имеем дело с совокупностью предметов человеческой деятельности, а не с живым творчеством. Происходит процесс манипуляции результатами творчества и управление творчеством. Для творчества, для искусства это губительно. О созидании культуры, национальной культуры страны не может быть и речи.

9. Сложилась ли в России новые взаимоотношения церкви и государства и как это сказывается на русской культуре?

Эти отношения стали складываться таким образом, что мне пришлось уйти из церковных структур, хотя в течение 18-ти лет я преподавал в Духовной академии. Такое сближение церкви и государства для меня неприемлемо, когда церковь заняла место отсутствующей партии. Теперь на официальных мероприятиях и торжественных концертах церковные иерархи занимают место бывших партийных лидеров.

- А разве не является положительным моментом то, что государство не вмешивается теперь в дела церкви?

Это церкви как раз не на пользу. Церковь должна быть под спудом и гонима, тогда она, как говорится, в форме. А иначе она начинает себе позволять слишком много. Мы не говорим тут, конечно, о церкви как о Теле Христовом. Имеется в виду определенная структура административная – Московский патриархат, который сращивается со структурами официальной власти.

- Еще 10 лет назад религиозное искусство, прежде всего современное, было под запретом. Теперь к этой теме обратились многие художники открыто. Как, на ваш взгляд, отразилось это в русской культуре?

Безобразно. Апофеозом этого процесса стало возрождение храма Христа Спасителя. Если понадобилось бы проиллюстрировать изречение Ницше о том, что Бог умер, то лучшего примера, чем храм Христа Спасителя, не найти, как снаружи, так и изнутри. А что касается художников, которые «открыли» для себя эту тему, то это либо глупые люди, либо вруны. Разве может государство открыть художнику какую-то тему? Ни одного приличного сочинения на церковную тему, которое появилось бы в последнее время, я назвать не могу.

- А ваши собственные сочинения, такие, как «Плач пророка Иеремии» или «Апокалипсис», могли бы они прозвучать в советское время?

Нет, конечно, во всяком случае в крупных залах это было невозможно. Но на наших фестивалях, которые проходили в условиях андеграунда, моя музыка на религиозные темы исполнялась, хотя тогда я не был так тесно связан с православием. Я был скорее на пути к нему.

- Как вы оцениваете, что во многих школах вводят Закон Божий и, может быть, какие-то теологические дисциплины?

Если это факультативно, то почему же нет. Главное, чтобы это не было принудительно. Но я считаю более полезным опыт воскресных школ.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи, совпавшее с концом века и тысячелетия, завершением определенного этапа в развитии русской культуры и можно ли говорить о новых тенденциях?

Определенный этап в русской культуре, безусловно, завершился, что же касается новых тенденций, то я их не вижу. Мне кажется, вряд ли тут можно говорить о России в отдельности. Россия полностью участвует в процессе мировом, процессе завершительном. В конце века ушли из жизни великие люди культуры. Практически не осталось никого. В моем поколении лидеров нет, ни у нас, ни на Западе. Есть просто люди преуспевающие.

Сейчас нельзя говорить отдельно о России, отдельно о Европе, потому что кризис, который переживает человечество, можно сравнить только с неолитической революцией, «свершившейся» 30 тысяч лет назад. Тогда зародились основы современной жизни – появилось литье металлов, возникли знаковые культуры, зародились религиозные представления. Перелом, который происходит сейчас, можно сравнить только с этим временем. Ни одно из событий последних двух тысячелетий нельзя сравнить с тем, что происходит сейчас. А сейчас происходит смена всех парадигм, и одна из них – культурная парадигма. Уже давно нет искусства как такового. Его вытеснил какой-то «симулякр». Например, что было престижно в 19-м – начале 20-го века? Оперный спектакль. А сейчас – показ высокой моды. Модель получает за один выход на подиум гонорар, за который профессиональный композитор с именем будет работать не одну неделю. По сравнению с посредственной поп-звездой даже такой высокооплачиваемый исполнитель, как Паваротти, имеет совсем не много. Это касается не только финансовых моментов. Происходит сдвиг потенциалов культурных. Деятельность композитора непрестижна и совсем не столь значима как, скажем, деятельность телеведущего. Но через него проходят информационные потоки. А сейчас знание подменяется информацией. Мы живем даже не в эпоху цивилизации, мы живем в эпоху информосферы, то есть полного отчуждения от бытия. Все опосредовано, ничего непосредственного быть не может. Наши привычные критерии или перестают работать, или теряют смысл, или меняют его на полярный. Я тут не пессимист и не оптимист. Просто надо четко понимать, что надеяться не на что. Всему приговор произнесен. Если Ницше сказал такую фразу: «Бог мертв», то это означает невозможность богообщения, невозможность религии. А смерть Бога – это смерть человека. А что приходит на смену? Сверхчеловек или недочеловек? Во всяком случае человек в нашем «старомодном» представлении явно не существует.

- Все это в полной мере относится к России?

Россия семимильными шагами и по собственному желанию погружается в этот омут. Хотя какие-то надежды остаются в силу неохваченности этой огромной территории. Конечно, выход может быть, но выход будет самый неожиданный. Всегда есть запас случайностей. Есть еще чудо. Есть Божья воля. Для всех нас выход будет неожиданным.